

УДК 811.2
ББК 81

Л.А.Брусенская

В ЧЕМ СОСТОИТ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ЯЗЫКУ?

Рассматривается содержание понятий «экологический подход к языку» и «лингвистическая экология», обсуждаются проблемы современного состояния русского языка, соотношения стандарта и субстандарта, культивирования публичного коммуникативного пространства.

Ключевые слова: *экология языка, лингвистическая экология, стандарт и субстандарт, культура речи, современная языковая ситуация.*

Брусенская Людмила Александровна – докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой теоретической и прикладной коммуникативистики Ростовского государственного экономического университета (РИНХа)

Тел.: 8-905-450-84-72
E-mail: brusensk@yandex.ru

Термином «экология», как известно, именуется наука, изучающая все связи организмов с окружающим миром, со средой обитания. С середины XX в. в понятие среды обитания человека последовательно включаются также и культурно-исторические ценности, вследствие чего возникли и новые терминологические сочетания: *экология культуры, экология истории, экология нравственности, экология этики и эстетики, экология мышления*, а также *экология слова, экология языка* и наконец – *лингвистическая экология*. Последнее стало широко использоваться применительно к проблемам исчезающих, вымирающих языков (задача, как и в случаях с вымирающими видами животных, виделась в их сохранении).

Но экологическая интерпретация возможна не только в тех экстремальных ситуациях, когда языку грозит подлинная гибель, но также для многих гораздо менее серьезных ситуаций. Соответствующая терминология все чаще стала применяться в связи с проблемами оскудения, инвективации речи, разрушением равновесия языка и культуры, немотивированным потоком заимствований (прежде всего – американизмов), а также в связи с расширением сферы применения субстандарта – жаргонов и просторечия. Поэтому у лингвистической экологии высокая социальная, культурологическая, духовно-нравственная значимость.

Такие области, как культура речи, общая и частные риторики, интерпретируются в экологиче-

ском аспекте как часть здоровой окружающей речевой среды современного человека.

Сегодня остро стоит вопрос об особом виде прав человека – лингвистическом праве, которое может стать составной частью зафиксированных международными документами прав человека. Это право состоит из нескольких компонентов, среди которых право на лингвистическую экологию: по этому праву человек не должен оказываться во враждебной языковой среде, где он терпит коммуникативный ущерб. Если человек испытывает унижение и стресс от бранной лексики, то общество обязано защитить его «лингвоэкологическое право». Один из способов защиты предлагает известный сатирик Михаил Задорнов. В период предвыборной кампании 2012 г. он опубликовал дополнения к программам наших кандидатов в президенты с таким предложением: «Год тюрьмы тому, кто матерится в общественном месте. Хочешь сквернословить – собери достойную компанию у себя дома и давай начинай!» (Советская Россия, 11 февраля 2012 г.)¹.

Практически все «большие языковые культуры» располагают развитыми субстандартными ярусами, и характерная всеобщая примета современной коммуникации состоит в том, что идет мощный процесс снятия табу на крайние проявления субстандарта – инвективы и обсценизмы. Истоки табуирования, действующего как безусловный императив, всегда экстралингвистические – исторические, культурные, социально-политические, эмоциональные. Сегодня процесс детабуизации обсценизмов захватил многие, в том числе и славянские, культуры.

Развитый национальный язык не может быть «монолитным»; он закономерно являет собой «систему систем», которая формируется как в соответствии с общим законом корреляции культуры и языка, так и в соответствии с национально-специфическими закономерностями развития конкретного социума. Общим свойством современных языков справедливо называется количественный рост жаргонизмов и усиление их влияния на многие аспекты коммуникации. В этом видят один из главных признаков «упадка» и русского языка.

Общественные дискуссии о русском языке, которые время от времени затевались в последние годы, имели либо очень узкий, частный характер (ср. общественный резонанс на изменение пометы рода при слове «кофе»), либо они касались использования языка в речи и прежде всего – проблемы жаргонизации публичных сфер коммуникации. А то, что русский язык по-прежнему велик и могуч, многим (и филологам – в первую очередь) кажется неоспоримым. Проблема видится лишь в том, что носители языка, особенно молодые, не овладели этими богатствами.

М.Н. Эпштейн [2006] предложил иной ракурс проблемы – состояние русского языка в целом, языка как общего достояния, как системы. К великому сожалению, слова о величии и богатстве русского языка сегодня лишь штамп позапрошлого века, который не отражает действительного положения дел. Русский язык претерпел такие потери, что ни

о каком величии говорить уже не приходится. Это особенно ясно видно при сравнении с другими европейскими, да и азиатскими языками, которые, наоборот, на протяжении XX в. бурно развивались.

М.Н. Эпштейн обращается к самой измеряемой сфере – количеству слов в языке. У Даля, как известно, 200000 слов, но они «областнические» – не общерусские. Словник Даля и в XIX в. был скорее обращен к прошлому, а не к будущему – к вещам домотканого быта, к старинным промыслам, ремеслам. Эти слова ни вернуть, ни возродить невозможно (да и не нужно). Самый полный словарь русского языка советского времени – БАС – насчитывает 120 тыс. слов. В новом академическом словаре предположительно будет 150 тыс. слов. Это очень мало, если сравнить со словарями английского языка: третье издание Вебстеровского словаря 1961 г. – 450 тыс. слов, полный Оксфордский словарь (1992 г.) – 500 тыс. слов, причем более половины слов в этих словарях не совпадает.

М.Н. Эпштейн указывает на авторитетные свидетельства, из которых следует, что в современном английском языке (с учетом околотерминологической лексики) около миллиона слов. М.Н. Эпштейн обращает внимание на то, что в 120 тыс. слов, зафиксированных в БАС, входит огромное число «дутых» единиц, каковыми он считает суффиксальные образования (от *рука* – *ручка*, *рученька*, *ручонка*, *ручища* и под.). Почти от каждого существительного возможно образование 4-5 производных с уменьшительными или увеличительными суффиксами. Они автоматически предсказуемы, регулярны. Благодаря им, реальное число существительных как минимум утраивается. Конечно, они передают важные прагматические оттенки, но они не фиксируют новых понятий, новых «мыслеобразов». Что касается глаголов, то там своя система «приписок»: глаголы совершенного и несовершенного вида, возвратные и невозвратные формы как отдельные словарные единицы. То есть наряду с экономическими, демографическими, статистическими и прочими приписками в России XX в. сложилась и система лексикографических приписок: официальная лексикография с самыми добрыми патриотическими намерениями систематически завывшала словарный фонд языка. Кстати, В. Даль этого не делал: при всей его неумной собирательской жадности к русскому слову он не включал уменьшительные и увеличительные формы как самостоятельные словарные единицы «без особых причин». От «приписок» избавлял сам принцип расположения слов – гнездовой, а не алфавитный. Даль считал, что алфавитный способ расположения слов в словаре «крайне туп и сух», ибо «самые близкие и сродные речения разносятся далеко врозь и томятся тут и там в одиночестве». Когда слово воспринимается в окружении родственных слов, оно по-особому отзывается в душе человека: особое звучание слова *родина* проистекает оттого, что в нашем сознании оно связано со словами *родиться*, *родной*, *род*, так что *родина* – это не то, что *государство*.

Получается, что реальное число слов русского языка можно вывести так: $120 : 3 = 40$ тыс. слов, и это удручающе мало. Это катастрофа сродни демографической. Это свидетельство истощения воли к жизни, воли к

смыслу.

Количество слов – мера того, насколько тщательно, подробно язык отражает реальность. В русском языке оказываются неразработанными целые области именований. М.Н. Эпштейн обратил внимание на то, что в русском языке нет любовной лексики: она либо медицинская, терминологическая, либо тяготеет к сквернословию. Средней зоны нет. Одно слово *любить* для всего: *люблю невесту* и *люблю макароны*, как будто это одно и то же. Нет нюансов, поэтому так трудно переводить на русский язык современные романы.

Когда в XVIII в. у нас не было языка науки, не было языка философии, лучшие представители нации понимали проблему и трудились над ее решением: создавались сотни новых книжных слов, и большинство из этих слов прижились. Ломоносов, Карамзин настойчиво вводили в обиход слова прежде всего отвлеченного характера, в которых в первую очередь нуждался язык – например, образованные с помощью исконных словообразовательных средств – абстрактные наименования с суффиксами *-ств*, *-ость*. Ломоносову принадлежат слова *притяжение*, *созвездие*, Карамзин ввел *промышленность*, *будущность*, *общественность*, *человечность*, *общеполезный*, *усовершенствовать*, он начал употреблять слово *трогательный* применительно к репертуару чувств, до него не было этой краски, не говорили *трогательное зрелище*.

Тот же словарь Даля не только дескриптивный – описывающий то, что есть, но и прескриптивный: в нем 14000 так называемых потенциальных слов, образованных по продуктивным моделям, а потому жизненных. Конечно, языку ничего нельзя навязать, но можно предложить в надежде, что предложенное не будет отвергнуто. И многое предложенное Далем вошло в общий язык. Кстати, слово «толковый» применительно к словарю впервые употребил Даль. У него были критики, которые говорили: а что, может быть бестолковый словарь? Но термин прижился: толковый значит «толкующий, раскрывающий значение слова». Если всеми другими словарями неспециалисты пользуются от случая к случаю – когда надо справиться, узнать значение неизвестного слова, уточнить ударение или грамматическую форму, то словарь Даля читают как книгу, и это в высшей степени увлекательное чтение. Это самый читаемый русский словарь и сегодня. Огромный интерес к электронному Далю².

Сегодняшние же попытки типа «Русского словаря языкового расширения» А.И. Солженицына и даже проект «Дар слова» М.Н. Эпштейна картину со словарным составом языка практически не меняют.

Русский язык переживает не самые лучшие времена. Язык – это динамика, в XX в. русский язык отстал в своем развитии от многих современных языков. Но даже с тем, что в нем имеется, мы обращаемся плохо. У нас совершенно нет культуры политических дебатов, культуры публичного красноречия – того, чем славились демократии прошлого, когда победа достигалась силой убеждения. В нашей публичной сфере торжествуют демагогия и манипуляция. У Даля в собранных им народ-

ных предложениях говорится в том числе и о проблемах коммуникации: *Много говорено, да мало сказано; Красно говорит, а слушать нечего; Думка чадна, недоумка бедна, а всех тошней пустослов*. Как видим, лишь форма архаична, но сама мысль как нельзя более актуальна: все сегодня устали от пустых бездоказательных слов, от демагогии и словесного манипулирования.

Общий посыл экологии языка — дать объективную картину состояния языка, оценить все ее стороны, указать на опасности и предложить средства сбережения и приумножения богатств языка. Мнение о том, что наш язык переживает период смуты, нестабильности, кризиса, основано на фактах многочисленных словарных потерь.

Совершенно точно известно, что русское языковое пространство сокращается за счет утраты многочисленных производных слов. Русский язык называли морфологически одаренным: в нем оттенки смысла, эмоциональные нюансы часто передаются многочисленными суффиксами. В XIX в. на один корень *добр-* приходилось 200 производных, к XXI в. слов с этим корнем осталось всего 56. Например, было слово *доброрадование*, но исчезло. А *злорадование* осталось, и очень актуально. То есть радоваться чужому несчастью — актуально. А смысл 'радоваться чужому счастью' оказался невостребованным. Слов с корнем *люб-* было 120, осталось 40. И так со многими однокоренными словами. И если представить язык в виде дерева, где словообразовательные гнезда — это ветви, а отдельные слова — листья (а это старинная метафора, существующая во многих лингвокультурах), то мы видим засыхающее дерево. Оскудение словарного запаса свидетельствует об оскудении мыслей и чувств. С русским языком происходит примерно то же, что с населением: население России чуть ли не втрое меньше того, каким должно было быть по демографическим подсчетам начала XX в. [Эпштейн].

Экологический подход к языку заставляет критически осмыслить ситуацию с иноязычными заимствованиями. Особенность этой ситуации не только в том, что количество этих заимствований угрожает самобытности языка, но и в отсутствии (на фоне заимствований) собственного словотворчества.

Еще в прошлом веке был сделан вывод о том, что литературный стандарт становится все менее стандартным, и этот вывод еще более справедлив в XXI в., когда приходится констатировать торжество субстандарта над стандартом. В середине прошлого века причину жаргонизации языка пытался осмыслить К.И. Чуковский, писавший, что на многих жаргонных словах ему видится печать того душевного убожества, которое Герцен называл «тупосердием». С острой пронзительной жалостью глядел Чуковский на этих «тупосердных (и таких самодовольных) юнцов». Злокачественность жаргона заключается в том, что он не только вызван обеднением чувств, но и сам, в свою очередь, ведет к обеднению чувств. В свое время Чуковский видел такую причину жаргонизации: изрядная доля людоедских словечек создана, так сказать, в противовес той нудной, фальшивой и приторной речи, которую продолжают культивиро-

вать в школах. Уж очень опостытели «типичные представители», «показ отрицательного героя» и тому подобные шаблоны схоластической речи. Дети как бы сказали себе: уж лучше мура и потрясно, чем типичный представитель, показ и наличие. «Облагородьте нравы молодежи, и вам не придется искоренять из ее обихода грубый и беспардонный жаргон. Так оно и будет, я уверен» – вот заключительные слова книги «Живой как жизнь». Но и «бескрасочная, дистиллированная» «гладкопись», которая формируется из боязни моветонной безвкусицы, аляповатой вульгарщины и фальши, по Чуковскому, нисколько не лучше жаргона [Чуковский, с. 467 – 652].

Сегодня многие экспрессивные субстандартные единицы вследствие постоянного употребления не только в устной, но и в письменной речи постепенно утрачивают свою образность, все более приближаются к литературному стандарту или теряют свою обособленность, расширяют границы своего использования. Традиционные качества жаргона – его исключительно разговорный характер и позиция ниже стандарта речи культурных людей – сегодня в значительной степени корректируются в связи с его активным влиянием на сам литературный стандарт. Это хорошо видно на примере текстов М. Задорнова, который сегодня взял на себя и такую важную функцию, как сбережение русского языка: он собирает и комментирует речевые «перлы», он организовал в Риге публичную библиотеку, он анализирует в своих выступлениях важнейшие языковые процессы, к нему обращаются с письмами в том числе и по вопросам, связанным с использованием языка, с ЕГЭ по русскому языку и т.д. И при всем этом оказывается, что жаргонная лексика – неотъемлемая часть его собственных текстов, причем она используется отнюдь не для «речевой характеристики персонажей», а как единственный способ наиболее точного и выразительного именованя; ср. примеры из его статьи, вышедшей накануне президентских выборов:

Если чубайсам и другим «рубильникам света» это не нравится, пускай уезжают из России. У них для «свалинга» бабла вполне достаточно.

*Конечно, надо бы их всех покадить, но об этом нельзя даже мечтать. Они – **друганы** главных жрецов приватизации.*

***Во накосячил** наш топ-менеджер всяя Руси, наш заводной медвежонок, пластилиновый президент!*

*Похоже, многим надоел даже Куршевель! Хочется чего-то более **прикольного!** Ой, как бы Болотная не стала местом новой **тусовки** – нашим адренилиновым «Куршевелем»!*

*На этот раз хорошо бы уберечь свою **крышу**, чтобы ее не снесло. Иначе **крышу** нам дадут извне (М. Задорнов. Народ не безмолвствует // Советская Россия, 2012, 11 февр.).*

Жаргон вообще построен по прототипу игры как глубинного, основополагающего свойства психической и социальной деятельности человека. Как видим, людическая функция жаргона проявляется даже в текстах поборников правильной русской речи, причем в таких текстах, которые претендуют на роль политической программы.

Коренное свойство языка – его динамичность, но в разные периоды язык меняется с разной скоростью. За последние 20 лет изменений в русском языке произошло столько, сколько обычно происходило за несколько веков. Слом социальный и технологический (Интернет) определяет язык, речевое поведение и этикетные формы. В магазине мы сегодня здороваемся и прощаемся – это вежливо, 20 лет назад вежливо было не здороваться и не прощаться. В этой этикетной перемене отражается огромное количество других изменений – экономических, социальных, психологических. Но витальность языка не беспредельна, и всякий язык нуждается в том, чтобы люди задумывались о его сбережении, сохранении. Главное – это следование общеэкологическому принципу (сформировавшемуся, как известно, в медицине) – «не навреди». При этом лингвистическая экология требует массового воспитания носителей языка, привития им навыков речевой культуры, поддержанию коммуникативного пространства, понимаемого как общее благо всех носителей языка. Владение языком изначально, в традициях, идущих из античности, имело этическую составляющую, связывалось с компетентностью, правдивостью, искренностью.

Как известно, понятие экологии, в том числе лингвистической экологии, становится особенно актуальным, когда ощущается противопоставление, даже конфликт между сиюминутными, краткосрочными потребностями и потребностями длительными. Всеобщее благо состоит в сохранении высокой культурной планки (особенно для публичного общения), и оно должно ограничивать проявление деструктивного начала, даже если для каких-то конкретных целей в определенной целевой аудитории оно оказывается актуальным.

Примечания

¹ Ср., как известный российский филолог, писатель и публицист Вл. Новиков пишет о массовости инвектив, о том, что инвективное словоупотребление слабо поддается правовому регулированию: *Сквернословие одержало очередную победу. Я имею в виду провал внесенного Николаем Губенко в Мосгордуму законопроекта об ужесточении наказаний «за употребление ненормативной лексики, жаргонных и сленговых выражений». <...> Следуя примеру Замятина и Оруэлла, попробовал я виртуально осуществить губенковскую идею. Вообразил себя честным милиционером, облеченным полномочиями, и стал гулять по городу, прислушиваясь к речи москвичей и гостей столицы. Кто матерится – тот хулиган, подлежащий задержанию. За четверть часа я «арестовал» полсотни лиц обоего пола и на этом остановился. Если «процесс пойдет», только им и должны будут заниматься все органы правопорядка и все суды. Да и то не справятся* (Вл. Новиков. Роман с языком).

² Многие выдающиеся деятели нашей культуры черпали в этом словаре не только информацию, но вдохновение. Например, Александр Ширвиндт в своих мемуарах написал: «Я люблю заглядывать в словарь Даля, чтобы прояснить корневую первооснову какого-либо понятия. Встречаю выражение «поэтический дар» – ну вроде кто не знает, но обращаюсь к Далю, а там – ‘отрешиться

от насущного, возноситься мечтою и воображением в высшие пределы, создавая первообразы красоты'. Персонаж, над ролью которого работает актер Ширвиндт, говорит: «Удивительная вещь – *симпатия*». И Ширвиндт пишет, что начиная готовить роль, по привычке первым делом обращается к Далю, а там написано: «Симпатия – беспричинное, интуитивное влечение к кому-то или чему-то...» Но надо прояснить, что такое «*интуиция*». Она, оказывается, «непосредственное постижение истины без предварительного логического рассуждения» (А. Ширвиндт. Schirwindt, стертый с лица земли. Книга воспоминаний).

Литература

Чуковский К.И. Живой как жизнь // Чуковский К.И. Сочинения : в 2 т. Т. 1. М., 1990.

Эштейн М.Н. Русский язык в свете творческой филологии разыскания // Знамя. 2006. № 1.